

Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом

М. Л. Ковшова

Variability of Russian proverbs with an anthroponym component

M. L. Kovshova

Мария Львовна Ковшова — доктор филологических наук
Институт языкознания Российской академии наук, Москва,
Российская Федерация

E-mail: kovshova_maria@list.ru

Статья поступила: 15.10.2021. Принята к печати: 15.11.2021.

Maria L. Kovshova – Dr. Sci. in Philology, Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-8920-8638

Received: 15/10/2021. Accepted for publication: 15/11/2021.

В статье на материале пословиц с компонентом-антропонимом рассматриваются основные методы и приемы исследования вариативности в пословицах, разрабатывается новый подход, который синтезирует лингвистические и фольклористические принципы и понятия. Такой подход позволяет изучить вариативность на основе сопоставления текстов, с одной стороны, по критериям обобщенного значения и функций пословицы; с другой стороны – с учетом образной системы, особенностей структуры и композиции. На обширном материале исследуется вариативность антропонимического компонента в составе пословиц, определяется степень воздействия тех или иных изменений антропонима на семантическое тождество пословиц, их предметно-понятийный, предметно-образный и структурно-композиционный план. В ходе анализа сгруппированы изменения антропонимического компонента, которые происходят на разных уровнях языка – фонетическом, словообразовательном, морфологическом, лексическом, синтаксическом. Исследование проводится в диалоге с теорией вариативности В. П. Жукова; выявляется, в том числе с привлечением метода семантической аппликации, предложенного В. П. Жуковым, степень влияния антропонимических изменений на семантическое тождество пословиц, их предметно-образный и структурно-композиционный план. В работе используются понятия, принятые в лингвистике и фольклористике: вариант, вариация и др.; выделены виды вариативности антропонимов, разработаны категории, по которым квалифицируются виды вариативности; на этом основании пословицы с антропонимическими компонентами разграничиваются на варианты, вариации и автономные единицы. Особое внимание уделяется пословицам с прецедентными именами, которые, как правило, не имеют лексических вариантов, что обуславливает автономный статус пословицы.

Ключевые слова: пословицы, антропоним, вариативность, вариант, вариация, В. П. Жуков

УДК 398.91

Based on the material of proverbs with an anthroponym component, the main methods and techniques for studying variability in proverbs are considered, a new approach that synthesizes linguistic and folkloristic principles and concepts is developed. Such an approach allows us to study the variability based on the comparison of texts according to the generalized meaning and functions of a proverb, on the one hand, and taking the figurative system, features of structure and composition into account, on the other hand. Using extensive material, the variability of the anthroponymic component in the proverbs composition is studied, the impact of certain changes in the anthroponym on the semantic identity of proverbs, their subject-conceptual, subject-figurative and structural and compositional plan. In course of the analysis, the proverbs are subdivided in groups based on the changes that their anthroponym component undergo on each language level, i. e. phonetics, word formation, morphology, lexis and syntax. The study is conducted in close dialogue with Vlas P. Zhukov's variability theory. Applying, among other techniques, the method of semantic application proposed by Vlas P. Zhukov, the paper reveals the degree of influence of anthroponyms' changes upon the proverbs semantic equivalence and identity, their subject-figurative and structural and compositional plan. The concepts adopted both in linguistics and folkloristics, namely "variant", "variation" and others are used in the work. The study distinguishes types of anthroponyms variability, establishing categories to qualify these types. Based on this, the proverbs with anthroponyms components are subdivided into variants, variations and autonomous units. Special attention is paid to proverbs with precedent names, which normally have no lexical variants, which determines the autonomous status of the proverb.

Keywords: proverbs, anthroponym, variability, variant, variation, Vlas P. Zhukov

OECD: 6.02.OY

V

Постановка проблемы. Основная проблема состоит в необходимости разработки параметров для комплексного описания вариативности пословиц; в выработке критериев для исследования роли антропонимического компонента, в том числе прецедентных имен, в варьировании пословиц. Развитие подхода, синтезирующего принципы и методы лингвистики и фольклористики, позволит объединить анализ языковых, образно-семантических и структурно-композиционных изменений в вариантах пословиц.

История вопроса. Тема вариативности является одной из самых востребованных в паремиологии, поскольку вариативность – сущностная характеристика пословиц и как малого паремийного жанра фольклора, и как устойчивых воспроизводимых языковых выражений, оформленных в логически и синтаксически законченную сентенцию.

Варьирование является одной из типологических универсалий фольклора; варьирование выражает присущую народной ментальности идею доминирования общего, типического, постоянного над отдельным, частным, изменчивым. Пословицы не застывшие произведения устного народного творчества; ведущиеся с давних пор записи пословиц отмечают разные изменения – на уровне фонетики, словообразования, лексики (а значит, и образов, к этому ведет замена компонентов), синтаксиса (а значит, и сюжета, к этому ведут количественные изменения, перестановка звеньев, полная перестройка текста). Вариативности в пословицах способствуют два фактора – традиционность и массовость этого жанра. Традиционность выражается в воспроизводстве пословиц на большом пространстве, что обуславливает творческий характер их употребления. Воспроизводство пословиц вызвано потребностью в данном жанре, это ведет к массовости текстов и, следовательно, множественности вариантов. Пословичная «память» укрепляется тем, что варианты пословицы, как правило, не отклоняются от ее структурно-типовой модели, но допускают внутренние изменения в тексте; ср.: *Кому поведётся, у того и петух несётся; Кому поживётся, у того и петух несётся; У кого счастье поведётся, у того и петух несётся* [Аникин, 1988, с. 139, 307].

В науке о языке паремии признают автономным уровнем языковой системы, ее «верхним ярусом» [Пермяков, 1975], поскольку паремии одновременно обладают признаками языкового знака и признаками текста [Савенкова, 2002, с. 13]. Пословица – в полной мере синтаксически оформленное языковое выражение, представляющее собой нравоучительное или назидательное генеритивное суждение о действительности, данное в прямой или иносказательной форме. Вопросы варьирования пословиц, классификация видов вариативности, определение границы между вариантностью и синонимией исследуются в работах В. П. Жукова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Л. Б. Савенковой, Г. Ф. Благовой, Е. И. Селиверстовой и др. На пути решения данных вопросов кардинальный подход был предложен В. П. Жуковым. Ученый с мировым именем, теоретик и лексикограф, тончайший исследователь фразеологизмов и паремий, В. П. Жуков разработал метод

семантической аппликации, позволяющий путем последовательного сопоставления сем каждого компонента в составе пословиц определять степень их семантической близости [Жуков, 1964, с. 140-141]. Было введено понятие «смыслового центра», или обобщающего смысла, который «поглощает» неизбежные при вариативности семантические преобразования [Жуков, 1986, с. 19]. Понимая под вариативностью формальное и содержательное изменение в пределах одной единицы, В. П. Жуков определяет вариантность как взаимозаменяемость компонентов при условии сохранения семантического тождества вариантов; в отличие от фразеологизмов, в пословицах представлены случаи, главным образом, лексической вариантности [Жуков, 1986, с. 37]. По В. П. Жукову, лексические варианты в пословицах – это словесные видоизменения, которые предполагают замену одного слова другим, синонимичным; данные замены происходят в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносят каких-либо смысловых оттенков в содержание паремии. Предложенный критерий семантического тождества как основание для идентификации вариантов пословицы встречает некоторые возражения. Так, отмечается, что в целях идентификации целостности и автономности языкового знака нельзя соединять взаимоисключающие признаки, «считать, что существуют языковые объекты, в семантическом плане являющиеся синонимами (разными единицами), а в плане выражения – вариантами (одной и той же единицей)» [Телия, 1972, с. 52]. Также при использовании метода семантической аппликации в пословицах обнаруживается, что зачастую друг друга заменяют субституты, не являющиеся синонимами [Селиверстова, 2017, с. 102]. Ср., например: *Мужик-то сер, а ум-то у него не волк (не чёрт) съел. Сердилась баба на мир (ветер), а мир (ветер) про то и не ведал. Со счастьем на клад набредёшь, тез счастья и грибов (гроша) не найдёшь. У семи нянек (пастухов) дитя без глаза* [Аникин, 1988, с. 188, 283, 289, 309]. Важным остается вопрос о разграничении вариативности и синонимии, тем более что в основе синонимии также лежит варьирование. Как правило, синонимичные пословицы тяготеют к одной и той же структурно-типовой модели, но синонимический ряд включает разные в этом плане единицы. Ср., например, ряд синонимов с общим смыслом, который можно передать фигурально: «Одним всё, другим ничего»: *Кому дали, а мне посулили; Кому полтина, а кому и ни алтына; Один ходит в сукне да в шёлке, а у другого зубы на полке; Один слепнет от голода, другой – от золота* [Аникин, 1988, с. 138, 241]. В целях разграничения вариативности и синонимии в пословицах рассматриваются различные типы семантических отношений. Так, лексические замены с большой семантической дистанцией между ними при синтаксическом тождестве пословиц трактуются как явление паремийной квазисинонимии; ср.: *У всякого Ермишки свои делишки; У всякой лекарки свои припарки; У всякого скомороха свои погудки* [Левин, 1984, с. 112].

Согласно В. П. Жукову, у вариантов пословиц при вариативности компонентов сохраняется семантическое тождество, т.е. характер отношений, связей или зависимостей между вещами и явлениями, составляющих логический и структурно-композиционный план паремии, при этом предметно-образный план пословицы может сохраняться полностью или частично [Жуков, 2000, с. 16]. Для определения

вариантности важно установить тождество предметно-понятийного содержания вариантов, то есть тождество смысловых видоизменений по объему выражаемого понятия. Предложенный В. П. Жуковым принцип семантического тождества и понятие «смыслового центра» соотносятся с принципами изучения варьирования в фольклористике, где приняты понятия: «редакция», «запись», «повторные записи», «вариант», «вариация», «версия», «основная версия». Так, вариантами называются тексты одного сюжетного типа. Если варьирование значительно, говорят о вариациях, или версиях, для которых характерен свой набор мотивов, имеются существенные образные и композиционные особенности в текстах одного структурно-сюжетного типа [Добровольская, 2018]. Для настоящего исследования данное понятие вариации представляется особенно важным. Немаловажным является понятие формул в фольклоре. Традиционность, о чем писали А. Н. Веселовский, Б. Н. Путилов, Г. И. Мальцев, предполагает наличие формул, или типических, общих мест. Формулы кодируют «стереотипы, оформляющие ситуации, образы персонажей»; в формулах проявляется эстетическая закономерность фольклора, его «художественный канон» [Мальцев, 1981, с. 13]. Изменяемость переходных мест в том или ином традиционном тексте отвечает творческому характеру исполнения фольклорного произведения; если незначительное варьирование не влияет на основную сюжетную схему, запас поэтических формул и т.п., то говорят о разных записях одного и того же текста. Если типические места определяют стабильность, то переходные места – изменяемость, импровизационный характер фольклора. Однако и типические места подлежат изменению, могут как незначительно, так и существенно варьироваться. Отклонения в фольклорном тексте любого жанра возможны на уровне фонетики, грамматики; существенным отклонением считается лексическое варьирование, особенно изменение лексики (а следовательно, и образов), а также синтаксическое варьирование – прибавление или отсутствие строк в типических местах (а следовательно, изменения в сюжете).

Представляется, что принципы исследования, принятые в фольклористике, соотносятся с лингвистическим описанием структурно-семантических моделей пословиц, выявлением инварианта. Если фольклористика для разграничения вариантов и вариаций использует понятие «структурно-сюжетный тип», то паремиология вводит понятие «структурный тип», или «пословичный тип», который близок понятию структурно-семантической модели и вместе с тем вбирает в себя понятие поэтической структуры пословицы и ее обобщенного значения и основных функций [Кокаре, 1978, с. 28; Селиверстова, 2017, с. 49]. Тем самым, можно заключить, что в паремиологии ведется поиск синтезирующего подхода, который позволит описать языковые изменения в пословицах и определить степень их влияния на семантическое тождество пословиц, образное наполнение и структурно-композиционное строение.

Методология и методика анализа. Для предметного анализа языковых изменений необходимо из всего разнообразия пословиц выбрать конкретный материал. Такой материал в данном исследовании составляют русские пословицы с антропонимами, собранные со всеми ссылками на источники в словаре [Ковшова,

2019]; далее все примеры даются из этого словаря. Цель работы – исследовать влияние изменений, связанных с компонентом-антропонимом, на семантическое тождество пословиц, их образное наполнение и структурно-композиционное строение. В ходе исследования предполагается использовать понятия, принятые в лингвистике и фольклористике: вариант, вариация, образ и др., и вести анализ в соотнесении с научным методом В. П. Жукова. В задачи исследования входит 1) классифицировать виды вариативности антропонимов; 2) определить воздействие изменений антропонима на вариантность пословиц по следующим категориям: а) изменения не нарушают семантическое тождество пословиц, не влияют на предметно-образный и структурно-композиционный план, тем самым, пословицы являются **вариантами**; б) изменения не нарушают семантическое тождество пословиц, но воздействуют на предметно-образный и структурно-композиционный план пословиц, вносят существенные смысловые и экспрессивные добавки и/или создают композиционные изменения, что позволяет квалифицировать пословицы как **вариации**; в) изменения обуславливают нарушение семантического тождества пословиц, которые определяются как **автономные единицы**.

Анализ материала. Вначале отметим роль антропонимов в пословицах, кратко обозначим их знаковые функции. В составе пословиц компоненты-антропонимы не выполняют присущую онима идентифицирующую и референтную функции (за исключением прецедентных имен). Выбор антропонимов в пословице обусловлен, как правило, их фонетическими характеристиками; они используются для создания рифмы, ритма, размера. В то же время антропонимы в пословицах принимают на себя культурно-языковые функции – собирать социальные типы, группировать и обобщать характеры, поведенческие типажи; см. подробнее [Ковшова, 2019а]. С появлением онима начинается маленькая пословичная «пьеска», сюжет которой часто ограничивается основной характеристикой персонажа; ср.: *Велика Федора, да дура*; реже в пословице в свернутом виде представлено действие обобщенного вневременного характера; ср.: *Не идёт Федора за Егора; а Федора идёт, да Егор-то (Егорка) не берёт*. Некоторые антропонимы приобретают прочную «пословичную» коннотацию; ср.: *Федул* ('недовольный', «чего губы надул»), *Макар* ('невезучий', «на бедного Макара») и др. Многие онимы входят в состав пословиц со своим смысловым «ореолом», это имена, известные по сказкам, лубочным картинкам, сатирическим песням (*Емеля, Фома, Ерёма, Иван*); это мифологические, религиозные, исторические имена (*Курилка, Адам, Ева, Егорий, Кутузов*). В семантизации пословиц участвуют «говорящие» имена (*Даруш, Купиш, Авоська* и др.). На функцию типизации и обобщения указывают кванторы всеобщности (*всяк, всякий, наш* и др.) и показатели количества; ср.: *Всяк Аксён про себя умён. У всякого Ермишки свои делишки. Наш Андрей никому не злодей. Нет воров супротив Романов, нет пьяниц супротив Иванова* (*Романы* здесь – обобщающая форма для названия цыган, *Иваны* – русских). В паремиях изредка встречаются производные от онима апеллятивы: в тавтологических конструкциях, в характеризующей предикации, в притяжательной форме; ср.: *Нашего Егорья не объегоришь. И я адам, и ты адам, и все мы адамы. Она просаввилась,*

проварварилась (всё прогулять в праздники св. Саввы и св. Варвары). *Широки рукава, видно, что с трубецкого двора.*

Исследуем антропонимические компоненты в пословицах на предмет их вариативности; перечислим виды вариативности антропонимов и проанализируем влияние тех или иных изменений антропонимов на сохранение или нарушение тождества пословиц.

I. Оним/формы онима

Фонетическая, фонологическая вариативность онима отражает особенности диалектных и народных форм личных имен и не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный и структурно-композиционный план. Ср.: *Нашего Абросима (Обросима) невесть куда забросило. Худ мой Устин, да лучше с ним; Худ мой Устим, да лучше с ним* и др.

Морфемная и словообразовательная вариативность онима также не нарушает семантическое тождество пословиц, существенно не влияет на предметно-образный план пословицы, но может привносить в семантику пословиц эмоционально-оценочный компонент. Ср.: *Манюшку (Маняшку) манят, дак города сулят. Не идёт Федора за Егора; а Федора идёт, да Егор-то (Егорка) не берёт.* Вариативность кодифицированной формы личного имени и его народных форм также не нарушает семантическое тождество пословиц; ср.: *Георгий с мостом, а Никола с гвоздём; В осень Егорий с мостом, Никола с гвоздём.*

Грамматическая вариативность онима не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на предметно-образный план, вносит разнообразие в структурно-композиционный план, демонстрирует разные ракурсы описания. Ср.: *Лёвке всё ловко; У Лёвки всё ловко. Каков Савва, такова ему и слава; По Савве и слава.*

Во всех перечисленных случаях представлены **варианты** пословиц.

II. Оним/оним

Лексическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, их предметно-образный и структурно-композиционный план. Это наиболее представительная подгруппа вариантов, в которой участвуют онимы различных форм и структур. Субституты данной подгруппы часто указываются в скобках при одной пословице. Ср.: *Живёт Ермошка (или: Игошка): есть собака да кошка. Худ Роман (Иван), коли пуст карман. Филипп пирует, а кума горюет; Фома пирует, а кума горюет. Охнула Татьяна, напоив мужа пьяна; Ахнула Ульяна, увидела мужа пьяна. Хоть Ивановна, да не корыстна; и Ивановна, да нам надобна; Хоть Кузьмишна, да не корыстна; и Ивановна, да нам надобна. Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная Прасковья; Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья. У Фомушки денежки – Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки – Фомка Фома; Как у Сенюшки две денежки – так Семён да Семён, а у Сенюшки ни денежки – ни во что Семён.*

Важно отметить отдельные примеры вариативности, когда один вариант общеизвестен, а другой ограничен в употреблении или устарел. Ср.: *По Сеньке [u] шапка, по Ерёме [u] колпак; По Афоньке шапка, по Ерёмке колпак. Узнаешь Кузькину*

мать, в чём она ходит; Узнаешь Ерёмину мать, как её звать. Вчера Макар огороды (гряды) копал, а ныне Макар в воеводы попал; Прежде Кузьма огороды копал, а ныне Кузьма в воеводы попал. Хватит Мирошка (или: Кондрашка, смерть), далече уйдёшь. Благодаря методу семантической аппликации легко обнаружить смысловой и экспрессивный «перевес» общеизвестных пословиц, антропонимы в которых стали прецедентными именами; в данных случаях следует говорить о **вариациях**.

Лексико-морфологическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, но различных по роду. Ср.: У ленивой Федорки на всё отговорки; У лентяя Федорки всегда отговорки; У ленивого Егорки на всё отговорки. По Сеньке шапка, по Малашке шлык; По Ерёме шапка, по Сеньке кафтан. У солдата Яшки таковы замашки; У всякой Пашки свои замашки. Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная. Сидор Карпу родной Терёх. Данный вид вариативности не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на структурно-композиционный план, хотя вносит некоторые изменения в образный «рисунок» пословиц. Тем не менее, эти изменения нельзя признать существенными, поскольку показателем предела варьирования является противопоставление признаков, различающих значения. В отношении семантики пословиц признаки мужского рода/женского рода не выступают как различительные, поскольку референтами в семантической структуре пословиц выступают не лица, а определенные свойства лиц. Тем самым, следует говорить о **вариантах** пословиц.

Лексико-синтаксическая вариативность онимов, сходных по фонетическим характеристикам, выражается в формальной замене онимов и изменении синтаксических конструкций. Ср.: *Эх, Кипрей, не нашёл ты дверей! Фаддей не нашёл в избе дверей.* Данный вид вариативности не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный план, но вносит небольшое разнообразие в структурно-композиционный план **вариантов** пословиц.

Лексическая вариативность онимов, не сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, но существенно воздействует на их предметно-образный план; каждый оним задает свою рифму, которая по-своему развивает содержание; тем самым, образуются **вариации**. Ср.: *В людях Ананья, а дома каналья; У людей Илья, а дома свинья.*

Синтаксическая вариативность онимов, связанная с видоизменением их количества, приводит к существенным структурно-композиционным изменениям, влияющим на расширение сюжета, как правило, с помощью равноструктурных звеньев. Данный вид вариативности, согласно принципу аппликации В. П. Жукова, нарушает семантическое тождество пословиц, что дает право говорить о **вариациях**. Ср.: *По Ивашке и рубашка; По Сеньке – и шапка, по Ерёмке – колпак, а по Ивашке – и рубашки. Шемякин суд; Это Сидорова правда, да Шемякин суд* (связано с именем несправедливого князя Дм. Шемяки (XV в.), с произволом и беззаконием феодального суда). К данной подгруппе, на первый взгляд, относятся также примеры отсутствия/наличия онима. Однако все примеры представляют собой **автономные единицы**, между которыми, несмотря на общие типические места, нет семантического тождества; ср.: *Помутилась вода с песком (о ссоре супругов)* [Даль,

1957, с. 372]. *Бился Лука с Петром, помутилась вода с песком* [Ковшова, 2019, с. 162].

III. Оним/апеллятив

Лексическая вариативность оним/производный от него апеллятив не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их предметно-образный и структурно-композиционный план; ср.: *Друг всем Макарам (рыболовам), а ухи не видал. Друг всем макарам, а ухи не видал.*

Лексическая вариативность оним/апеллятив, сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество пословиц, но оказывает воздействие на предметно-образный план, а также вносит смысловые и экспрессивные добавки в семантику пословиц, что позволяет говорить о **вариациях**. Так, варьируются гендерно маркированные компоненты в пословицах, основанных на противопоставлении по полу; ср.: *Флор плачет, а жена скачет; Муж пашет (плачет), а жена пляшет (скачет)*. Апеллятивные варианты, как правило, акцентируют семантические признаки, усиливают экспрессию пословиц. Например, компоненты *муж* или *жена* появляются вместо антропонимов в тех случаях, когда в пословице акцентируется смысл 'тесная связь, подобная по силе семейной связи'. Ср.: *Иван играет, а Марья с голоду умирает; Жена умирает, а муж со смеху помирает*. Компонент *матушка*, замещающий антропонимы в пословице, акцентирует сему ближнего родства, данный образ усиливает смысл иронического сомнения; ср. *Наша Марья вашей Дарье двоюродная Парасковья; Его-то матушка моей-то матушке двоюродная Парасковья*. Взаимозаменяемость онимов *Марья*, *Малашка* и компонента *жена* и более широкого по семантике *баба*, или онимов *Иван*, *Флор* и компонента *муж* подтверждает присущую антропонимам функцию типизации по гендерным признакам. Ср., например: *По Сеньке шапка, по Малашке шлык; По Сеньке и шапка, по бабе и шлык*. Безусловно, данный вид вариативности определяется формальными признаками субститутов, которые рифмуются, совпадают по размеру или ритму в тексте; ср.: *У всякого Гришки (попишки) свои делишки*. Однако подобные замены существенно воздействуют на предметно-образный план пословиц, а также вносят свои смысловые и экспрессивные добавки, что и приводит к возникновению вариаций. Так, компонент *чёрт* является экспрессивным субститутом в отношении антропонимического компонента *Борис*; ср.: *Мерили Борис да Тарас, и бечева порвалась; Мерили чёрт да Тарас, у них верёвка оборвалась. Чёрт говорит: давай свяжем! А Тарас: давай так скажем!* Материал показывает, что в пословицах метод семантической аппликации требует уточнений. Так, в пословицах возможна субституция тематически неоднородных компонентов – онимов, именующих лицо, и апеллятивов, именующих предметы, животных. В псевдосемантические отношения входят антропоним – несемантический знак языка, который в пословице наполняется значением тех или иных свойств социального типа, и наименования животных или предметов, референтами которых в пословице являются те или иные свойства, переносимые на лицо, человека. Ср.: *У всякой Пашки (пташки) свои замашки. Со всем Максим, и шапка с ним (и Аксинья с ним)*. Если в первом примере субституция имеет явно формальный, возникший по

созвучности характер, то во втором можно предполагать связанные с шапкой и с Аксиньей (женой) соизмеримо ценностные смыслы, существующие в костюмном и семейном кодах традиционной культуры. Пословицам данной подгруппы свойственно «пренебрежение» и другими правилами вариантности. См. примеры субституции неодушевленного апеллятива и одушевленного онима: *По бороде Авраам, а по делам – Хам; С бороды как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан*. В первом тексте нейтрализуется противопоставление оним *Хам* – апеллятив *хам*; со значением апеллятива сближается переносное значение номинации *сосновый чурбан* – ‘бесчувственный’. Также нередки примеры, когда личное местоимение выступает субститутом личного имени, тем самым, «игнорируется» принцип морфологической идентичности вариантов – принадлежности к одной части речи. Ср.: *Кого мимо, а меня (а Мину) в рыло*.

Лексико-морфологическая вариативность оним/апеллятив, сходных по фонетическим характеристикам, но различных по роду или числу, не нарушает семантическое тождество пословиц, не влияет на их структурно-композиционный план, однако изменение онима на апеллятив вносит существенные образно-смысловые и экспрессивные добавки, что позволяет говорить о **вариациях**. Ср.: *У всякого Филатки свои ухватки; У всякой бабки свои ухватки. Потужи о себе, а там и о других (и о Фоме)*. В последнем примере в силу созвучности нарушается принцип морфологической идентичности, частеречной однородности вариантов.

Лексическая вариативность оним/апеллятив, не сходных по фонетическим характеристикам, не нарушает семантическое тождество вариантов пословиц, но создает особый образно-смысловой «рисунок» в пословицах, что позволяет говорить о **вариациях**. Ср.: *В праздник – Груша, а в будень – клуша; В праздник – белоличка, а в будень – чумичка*. В данных пословицах каждый из онимов задает свою рифму, чем перспективизирует создание образа. Оним *Груша* (народная форма личного имени *Аграфена*) и апеллятив *белоличка* сходятся в обозначении молодой девушки, женщины, которая, по стереотипным представлениям, должна выглядеть опрятно и красиво. *Груша* противопоставляется *клуше*; в переносном значении *клуша* – ‘Дурно одетая или закутанная женщина’ [Даль, 2004, с. 104]. Если *белоличка* и *чумичка* являются контрастными словами и вне пословиц, то семантическая близость слов *Груша* и *клуша* обусловлена исключительно пословичным контекстом и закреплена рифмой.

IV. Отсутствие лексической вариативности

Отсутствует лексическая, основная, по В. П. Жукову, вариативность онимов в пословицах с прецедентными именами святых, религиозных и мифологических персонажей, с табуированными именами, с именами исторических личностей. Ср.: *Авель праведен, а Каин грешен, а оба убиты. Наш Касьян на что ни взглянет, всё вянет. Вот тебе, бабушка, Юрьев день! Не крещён, так и Богдан (о незаконнорожденном). Александр храбр, а от худого умре (Александр Македонский по преданию умер от пьянства)*. Приведем редкие исключения: *Хозяин в дому – что Адам в раю; Хозяин в дому, как Авраам в раю. Хватит Мирошка (или: Кондрашка, смерть), далече уйдёшь. Узнаешь Кузькину мать, в чём она ходит; Узнаешь*

Ерёмину мать, как её звать. По бороде Авраам, а по делам – Хам; С бороды как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан.

Нет лексических вариантов у прецедентных имен в пословицах, возникших на основе крылатых выражений; ср.: *Что позволено Юпитеру, то не позволено быку.* Нет лексических вариантов у антропонимов с «говорящей» внутренней формой; ср.: *Не гордись, Гордей, ты не лучше людей.* Отсутствие лексического варьирования у прецедентных имен и «говорящих» антропонимов в пословицах является важным критерием для того, чтобы считать такие единицы **автономными**.

Однако отсутствие лексических вариантов у онимов не отменяет возможность варьирования их форм; ср. **варианты**: Нынче Подари умер, а остался брат его Купи; Дарило умер, остался один Купило. Что у волка в зубах, то Егорий дал. Что у волка в зубах, то Георгий дал (на св. Георгия 23 апреля первый выгон скота). Синтаксическое (количественное) варьирование таких онимов в текстах оказывает существенное влияние на образно-смысловой «рисунок» и структурно-композиционный план пословиц, что позволяет считать их **вариациями**; ср.: Дариш уехал в Париж; Дариш уехал в Париж, а Дай поехал в Китай.

Результаты анализа. Исследование антропонимических компонентов на предмет их изменений позволило классифицировать виды вариативности антропонимов и определить степень их воздействия на вариантность пословиц. Изменения антропонимического компонента в I группе «оним/формы онима» связаны с планом выражения одного и того же имени и не воздействуют на семантическое тождество, на предметно-образный и структурно-композиционный план пословиц, которые являются вариантами. В группе II «оним/оним» большинство изменений связано с фонетическими характеристиками антропонимов, которые своей формой перспективизируют образно-смысловой «рисунок» пословиц, что позволяет считать их вариациями. В III группе «оним/апеллятив» большинство видоизменений антропонимов также ведет к признанию пословиц вариациями. В IV группе прецедентное имя и «говорящие» имена входят в пословицу со своим смысловым «багажом», который составляет основу ее семантизации, тем самым, обеспечивается автономность единиц и высокая степень их устойчивости.

Выводы. Тема вариативности в паремиологии может исследоваться с помощью синтезирующего подхода, призванного объединить определенные принципы и понятия лингвистики и фольклористики. Классификация видов вариативности компонентов-антропонимов показала степень их воздействия на семантическое тождество пословиц, сохранение или изменение предметно-образного и структурно-композиционного планов. Кроме лексических замен в вариантную парадигму антропонимического компонента вовлекаются его фонетические, морфемные, словообразовательные, грамматические формы. Виды вариативности в пределах одного антропонима не нарушают семантическое тождество пословиц, не снижают высокую степень их языковой, образной и структурной тождественности. Другие виды вариативности антропонимов в пословицах существенно воздействуют на предметно-образный и структурно-композиционный план, вносят смысловые и экспрессивные добавки, образуют

количественные изменения, что приводит к возникновению вариаций – промежуточного звена между вариантами и автономными пословицами. Несмотря на то, что заменяемые компоненты оним/оним, оним/апеллятив, как правило, объединены по родовому признаку – ‘человек’, именно семантическое наложение выявляет их различный образно-смысловой и экспрессивный «рисунок» в семантике пословиц, что позволяет говорить о вариациях. Если варьирование антропонима связано с образованием новой рифмы, размера и ритма, это неизбежно обновляет пословицу, преобразует ее формальный и содержательный план. Прецедентному имени с присущими ему устойчивыми смыслами принадлежит определяющая роль в семантизации пословиц; прецедентные имена в пословицах не имеют лексического варьирования, за исключением считанных случаев. Можно заключить, что прецедентное имя в пословице особенно способствует языковой, семантической и образной «сплоченности» других компонентов, а чем «сплоченнее» компоненты, тем «меньшей вариантностью» обладает пословица [Жуков, 1972, с. 24].

Литература

Аникин, В. П. (1988). *Русские пословицы и поговорки*. Москва: Художественная литература.

Даль, Вл. (1957). *Пословицы русского народа*. Москва: Гос. изд. худож. лит.

Даль, В. И. (2004). *Толковый словарь живого великорусского языка*. В четырех томах. Т. II. Москва: ОЛМА-ПРЕСС.

Добровольская, В. Е. (2018). «Ореховая веточка»: редакция сюжетного типа СУС 425С «Аленький цветочек» (сказка староверов Литвы в контексте русской сказочной традиции). *Современные методы и подходы в изучении современной народной культуры. Из истории русской фольклористики*. Санкт-Петербург, 10, 226–238.

Жуков, В. П. (1964). О смысловом центре фразеологизмов. *Проблемы фразеологии. Исследования и материалы* (с. 140-141). Москва-Ленинград.

Жуков, В. П. (1972). Об устойчивости и вариантности фразеологизмов на семантическом уровне. *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968)*. Тула: ТПУ им. Л. Н. Толстого, 2, 20-29.

Жуков, В. П. (1986). *Русская фразеология*. Учебное пособие для вузов. Москва: Высшая школа.

Жуков, В. П. (2000). Искусство слова в пословицах и поговорках *Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип*. Москва: Русский язык.

Ковшова, М. Л. (2019). *Словарь собственных имен в русских загадках, пословицах, поговорках и идиомах*. Москва: ЛЕНАНД.

Ковшова, М. Л. (2019а). *Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры*. Москва: ЛЕНАНД.

Кокаре, Э. Я. (1978). *Интернациональное и национальное в латышских пословицах и поговорках*. Рига.

Левин, Ю. И. (1984). Провербиальное пространство. *Паремнологические исследования: Сборник статей. Сост. и ред. Г.Л. Пермяков* (с. 109-126). Москва: Глав. ред. вост. лит-ры.

Мальцев, Г. И. (1981). Традиционные формулы русской необрядовой лирики (к изучению эстетики устнопоэтического канона). *Русский фольклор. XXI. Поэтика русского фольклора* (с. 13–37). Ленинград: Наука.

Пермяков, Г. Л. (1975). К вопросу о структуре паремнологического фонда. *Типологические исследования по фольклору* (с. 247–274). Москва: Наука, Гл. ред. вост. лит.

Савенкова, Л. Б. (2022). *Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты*. Ростов-на-Дону: изд-во Ростов. ун-та.

Селиверстова, Е. И. (2017). Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. Москва: Флинта; Наука.

References

Anikin, V. P. (1988). *Russian proverbs and sayings*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ. (In Russian)

Dal', V. I. (2004). *The Explanatory dictionary of the living great Russian language in four volumes*. Vol. II. Moscow: OLMA-PRESS Publ. (In Russian)

Dal', V. I. (1957). *Russian proverbs*. Moscow: Gos. izd. khudozh. lit. Publ. (In Russian)

Dobrovolskaia, V. E. (2018). "Nut-tree branch": Narrative type edition SUS 425S "The Scarlet Flower" (a fairytale of Lithuanian Old Believers in the context of Russian fairytale tradition). *Contemporary methods and approaches in folklife culture studies. Excerpts on the history of Russian folklore studies*. Saint Petersburg, 10, 226–238. (In Russian)

Kokare, E. Ia. (1978). National and international in Lettish proverbs and sayings. Riga. (In Russian)

Kovshova, M. L. (2019). *Dictionary of personal names in Russian riddles, proverbs, sayings, and idioms*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian)

Kovshova, M. L. (2019a). The analysis of idioms, riddles and proverbs from the perspective of language and culture studies. *Anthroponomical culture code*. Moscow: LENAND Publ. (In Russian)

Levin, Yu. I. (1984). Proverbial space. *Paremiological studies: collection of articles*. Ed. By G.L. Permiakov (pp. 109-126). Moscow: Glav. red. vost. lit-ry Publ. (In Russian)

Mal'tsev, G. I. (1981). Traditional formulae of Russian non-ritual lyrics (on the research of aesthetics of oral poetry canon). *Russian folklore. XXI. Poetics of Russian folklore* (pp. 13–37). Leningrad: Nauka Publ. (In Russian)

Permiakov, G. L. (1975). About the structure of paremiological fund. *Typological studies of folklore* (pp. 247–274). Moscow: Nauka Publ., Ed. vost. lit. Publ. (In Russian)

Savenkova, L. B. (2022). *Russian paremiology: semantic and linguocultural aspects*. Rostov-on-Don: Rostov. un-t. Publ. (In Russian)

Seliverstova, E. I. (2017). *The space of Russian proverbs: variability and invariability*. Moscow: Flinta; Nauka Publ. (In Russian)

Teliia, V. N. (1972). Variability of idioms and principles of variation identification. *The issues of stability and variability of phraseological units. Materials of inter-university symposium* (1968). Tula: TSPU, 2, 30-69. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1964). About a semantic centre of phraseological units. *Phraseology issues. Research and material* (pp. 140-141). Moscow-Leningrad. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1972). About stability and variability of phraseological units at the semantic level. *The issues of stability and variability of phraseological units. Materials of inter-university symposium* (1968). Tula: TSPU, 2, 20-29. (In Russian)

Zhukov, V. P. (1986). *Russian phraseology*. A study guide for university students. Moscow: Vysshiaia shkola Publ. (In Russian)

Теля, В. Н. (1972). Вариантность идиом и принципы идентификации вариантов. *Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. Материалы межвузовского симпозиума (1968)*. Тула: ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2, 30-69.

Zhukov, V. P. (2000). *The art of words in proverbs and sayings. A dictionary of Russian proverbs and sayings*. 7th ed., RP. Moscow: Russkii iazyk Publ. (In Russian)

Для цитирования статьи:

Ковшова, М. Л. (2021). Вариативность русских пословиц с компонентом-антропонимом. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(2), 20–32. DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32

For citation:

Kovshova, M. L. (2021). Variability of Russian proverbs with an anthroponym component. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(2), 20–32. (In Russian) DOI: 10.34680/VERBA-2021-2(2)-20-32